

тому народу, который в минуту испытания, не спрашивая о том, как по правилам поступали другие люди в этих случаях, *с простотой и легкостью поднимает первую попавшуюся дубину и гвоздит ею до тех пор, пока в душе его чувство оскорбления и мести не заменяется чувством презрения и жалости*.*) Но затем то жизнепонимание, которое сквозит в этих строках было окончательно и бесповоротно у него преодолено другим жизнепониманием, которому он оставался верен до конца своей жизни. Стоя на почве этого позднейшего жизнепонимания, Толстой настолько ясно и недвусмысленно высказал свое отрицательное отношение ко всякой войне, достижение каких бы целей при этом ни имелось в виду и какой бы характер — наступательный или оборонительный — война ни имела, что только наивные люди, только поверхностно и неглубоко знакомые с ним могут восбражать, что с Толстым могла бы совершиться такая неожиданная перемена, какая произошла с престарелым Крапоткинм.

Вот оценка, которую делает Толстой в отношении ко всякой войне без исключения. „Война есть убийство“, пишет он в одном месте: „и сколько бы людей ни собралось вместе, чтобы совершить убийство, и как бы они себя ни называли, убийство все же самый худший грех в мире“.

„Война есть такое состояние людей, в котором получают власть и славу самые низкие и порочные люди“, пишет он в другом месте.**)

„Для людей истинно просвещенных и потому свободных от суеверия военного величия, а таковых с каждым днем становится все больше и больше“, читаем

*) „Война и мир“. 7-ое полное издание сочинений. Т. VIII. стр. 17.

**) „Круг чтения“, 9 февраля.